

В современной литературе сложилось устойчивое мнение о прозе В. П. Екимов, как о самой нравственной и духовной. И это вполне объяснимо, потому что писатель «проживает» жизнь вместе со своими героями, оставляя в них свою душу, выделяя в их характерах нечто особенное и в то же время предельно простое и естественное. Именно этим привлекают герои Б. П. Екимова в «Житейских историях». Небольшие по объему зарисовки давно уже стали достоянием читательской аудитории, публиковались они в разное время в литературно-художественных журналах и сборниках, получили критическую оценку, стали материалом для современных исследовательских работ.

Сергей Морозов в статье «Что увидел старик» размышляет о «житейских историях» в творчестве писателя: «Екимов — действительно стилист, манера его оригинальна, узнаваема, ни в чем он не изменяет себе... Нехитрость мысли и тематики — чудо природы, семьи, человека, объясняется не впадением в морализаторство, а желанием наговорить пошлых истин напоследок, а неугасшим еще стремлением художника точнее изобразить действительность»¹.

Безусловным достоинством, по мысли критика, жанра житейских историй в творчестве Б. П. Екимова, является «традиционность», которая идет из недр русской классики, от Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. С этим нельзя не согласиться, поскольку Б. П. Екимов один из немногих, кто сохраняет и развивает традиции русской литературы.

«Житейские истории» Б. П. Екимова внешне весьма просты, в них присутствует очерковость в обрисовке событий, и это подчеркивает связь с журналистским жанром. В то же время в них заметно выделяются элементы художественности, глубокий психологизм в обрисовке ситуаций и характеров героев, неповторимый стиль мастера, переводящий этот жанр публицистики в художественное произведение, максимально приближенное по объему к рас-

сказу, а по содержанию, нередко, — к повести.

«Не ругай меня...» — это не только название житейской истории, но и смыслообразующий компонент, фраза, на которой строится повествование. В первом случае ее производит ребенок, которого старшие заждались дома. И он обращается к встречающей его матери: «Не ругай меня, пожалуйста, ладно?» При этом Б. П. Екимов подчеркивает: «И такая была в этом голосе наивная просьба... уж больно он хорошо попросил: «Не ругай, пожалуйста...» — не испуг, а лишь искренняя просьба. Мальчишеская, детская: «Не ругай»².

Во втором случае повзрослевший человек слышит эти слова от женщины, которой так трудно навсегда расставаться с родным домом. И в очередной раз она откладывала свой отъезд, «...маленькая, виноватая, голову подняла и попросила робко:

— Не ругайте меня, пожалуйста.

От тихих слов ее, видно, не только мое дрогнуло сердце. Петя вздохнул и сказал неожиданно мягко, с усмешкой:

— Ладно, не будем тебя ругать»³.

Всего две фразы, а в них все: и любовь, и нежность, и терпение, и искренность, — качества как основные параметры жизни и отношения друг к другу.

У Б. П. Екимова в житейских историях нередко на первый план выходит разговор, причем ничем не примечательный диалог и детализация. Как правило, именно в детали содержится предельная концентрация простоты и естественности, которая и подкупает читателя. В миниатюре «Сено спасал» таким контрапунктом является не рассказ старика о том, как он не уберег зрение после дорогой операции, спасая от дождя «степовое сенцо, пахучее, зеленое», а отношение сына к отцу: «Обычно такие рассказы идут вперебой с оханьем, со слезой, — пишет Б. П. Екимов. — А старик вроде даже подсмеивался над собой, над жизнью: «Сену спасал...»

Рядом сидящий сын слушает отца, вздыхает, эхом

¹Морозов Сергей. Что увидел старик // Литературная Россия. 2015. 25 декабря: [Электронный ресурс] / <https://litrossia.ru/item/8486-что-увидел-стари>

^{2, 3} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

повторяя: «Сено спасал». Укора нет на лице его, в голосе. Он все понимает»⁴.

Зарисовка «Какое у нас чудо!...» — эмоциональная и лирическая в «Житейских историях». Маленький Митя постепенно, в каждый очередной приезд в деревню к деду открывал для себя чудо природы и чудо жизни. Сначала «это — чудо: голые деревья, серая весенняя земля, еще неприбранная, со всяким хламом да дрямом; и этот алыч живой огонек, словно знак весны и добрый привет грядущего лета»⁵. Потом на ней появились тюльпаны, лазоревые цветы, на которых «нежность лепестков», «сияние капель росы». «Новый день — словно новая жизнь; каждый шаг — изумление. Простой репешок, что самосевом поднялся возле бетонной дорожки: зеленый столбик, унизанный желтыми, золотистыми в солнце цветами. И откуда он взялся? Бог послал. Стоит, цветет, радуется. Разве не чудо?» [5].

«Чудо» неповторимых картинок природы для Мити сродни большому открытию жизни, как для маленького Вани в романе «Лето Господне» И. С. Шмелева, которому добрый Горкин открывает мир православия, мир любви. В этом видится не просто параллель, а глубина повествования Б. П. Екимова и традиции русской классики.

Лирические зарисовки занимают особое место в «Житейских историях». В них — взгляд самого писателя на окружающий и бесконечно дорогой мир, его отношение к жизни, выраженное в словах: «Ранним утром так хороши, так душисты заросли зорьки, усыпанные алыми, розовыми, желтыми цветами — «граммофончиками». Они раскрываются поздно вечером. Их время — ночь и раннее утро. Нежный цвет, сладкий дух, который вот-вот пропадет, развеется, когда под лучами жаркого солнца цветы закроются, сберегая нежную плоть. Не навсегда. До вечера.

Утренний обход просторного подворья долог. Огородные грядки, на которых много всего, чтобы поглядеть, похрустеть, посладиться. В свою пору вишневые, белые облака цвета. А потом рдяная занавесь ягод. Абрикосы. Особенно в пору спелости золотых, тяжелых, пахучих плодов, с прохладной поутру и дневной горячей, солнечной плотью. Виноград... И старинные груши-«дулины»: «черномяски» да «баргамоты».

Герои Б. П. Екимова открыты, разговорчивы, поскольку они делятся сокровенным и наболевшим, как, например, в житейской истории «На кого ты нас поки-

нул...». Писатель, создавая «рассказ в рассказе» и сохраняя первозданную эмоциональность, дословно передает воспоминания героини, которые таковыми и назвать трудно, поскольку все в ее памяти живо, ничего не забыто. Скорее всего, это достаточно крупные штрихи к жизни отдельной семьи и многих других, у которых кормильцы погибли на фронте, тем самым создает огромный исторический фон жизни целой страны. Условно в рассказе героини можно выделить следующие ключевые моменты: война, Сталинградская битва, голод, выживание. Только в самые трудные минуты отчаяния и несправедливости мать причитала: «Господи... на кого ты нас кинул»⁶. Это она о погибшем на фронте муже и отце. Семьям, оставшимся без кормильца, особенно пришлось трудно в войну и после, в ее причитании — боль как незаживающая рана, которая всегда вызывает слезы. Неслучайно героиня многократно повторяет в своем рассказе «плакали, плакали». Слезы горя и отчаяния, слезы памяти, а они «горькие. Потому что была война»⁷.

В этой житейской истории, так проникновенно и трогательно сохраненной и записанной автором, на психологическом, эмоционально-душевном уровне раскрывается трагедия детей и жен, оставшихся без кормильцев. «Ведь у кого вернулись отцы, тем жилось легче. Мужик, он и есть мужик. А у нас на хуторе мало с войны вернулось... Потому и жилось трудно. Так трудно»⁸.

Тема войны в житейских историях Б.П. Екимова занимает особое место, любое напоминание о ней, любая картинка по телевизору тревожит душу. «Для меня это не просто картинка, признается писатель, — свое поднимается, давнее, которое было у нас: развалины, голод и холод, гибель родных, сиротство, землянки, вши, госпитальные помойки, из которых тайком, ползком можно картофельных очисток набрать для еды. Вроде давнее-давнее, считай, забылось. А теперь поднимается»⁹.

Память — ключевой концепт в прозе Б. П. Екимова, который является частью мироощущения писателя и художественного пространства его произведений. «Память и воображение, — пишет С. С. Неретина, — неотторжимые свойства концепта, направленного, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны — концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения — в будущее, как акт суждения — в настоящее.

Все эти перечисленные качества концепта памяти от-

^{4, 5, 6, 7, 8} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

четливо прослеживаются в произведениях писателя. На это указывает и П. В. Басинский: «Секрет эстетического зрения Бориса Екимова, — пишет он, — в особенности его памяти. Он не хроникер деревенской жизни, а тайный ее наблюдатель. Он занял крайне выгодную позицию, всего-то шестьдесят пять лет прожив на Дону, в Калаче, на хуторах. С этими людьми он вырос и старился, он даже физически составлен из той же воды, того же воздуха, той же пищи, что и они. Он слышит их речь не как чужую, хотя и занятую, экзотическую, а как родную. Его, собственно, и не различить среди этих людей, в степи ли, на рыбалке ли, в хуторской ли летней кухне. Но не верьте, не верьте обманчивой простонародности этого человека! Крестьянское дело — одно, а писательское — совсем иное. „Путем зерна“, но — иного. Кстати, слово это, „иное“, подозрительно часто встречается в прозе сугубого реалиста Бориса Екимова. „А помнить будем иное“ — так заканчивается один из его лучших рассказов. И будьте уверены, когда этот человек склоняется над листом бумаги, и внешний образ его становится иным. Не видел этого, но готов поручиться»¹⁰. Память в произведениях Б. П. Екимова всегда является основным звеном, соединяющем далекое и близкое в пространстве и времени. «Свое, военное, давнее-давнее всплывает: развалины, сырые землянки, светильники-«коптюшки» из снарядных гильз, гибель родных, горькое сиротство, долгий голод, желудевые лепешки, похлебка из лебеды, тоненький ломтик черного хлеба, который нужно постараться не есть, а сосать — так лучше. Это было ведь, было... Слава Богу, прошло. А теперь — снова»¹¹.

Именно так происходит в житейской истории «Виноватый». Парадигма войны включает в себя воспоминания писателя о минувших днях и недавнюю память о встрече, которая всколыхнула душу: «Это осталось в памяти: белая полоса песчаного берега и мальчик в сияющем ореоле солнечных брызг»¹².

Встреча с мальчиком и его родными была случайной, так Б.П. Екимов пишет об этом: «Дело было в августе. Я приехал на хутор, к приятелю, чтобы на воде побыть, порыбачить, ухи похлебать. Сначала была разведка: на Голубинский остров, на Картули да Клешни.

— Заедем к Василию, — предложил мой приятель. —

Он все знает. Заодно поглядишь, какую он печку сложил.

К Василию, значит — к Василию. Про него я слышал. И вроде знакомился, мельком. Он — бывший шахтер с Украины. Давно сюда ездит, каждое лето. Стан его, с недавних пор, на берегу левом»¹³.

Обустроился он неплохо, зимовать даже можно: кирпичную печь сложил в просторной кухне, дощатый пол выстелил, стены и крышу из камыша сделал и т.д. Теперь вот только внуку некуда в школу ходить. Именно за всем этим кроется большая трагедия современной войны, приметой которой стали беженцы из Украины на Дону и Кубани.

Столько недоразумения, непонимания и отчаяния в словах ребенка: «Я домой хочу. Наша школа целая, я знаю...Наша школа крепкая, ее не разбомбили. Там будут все мои друзья: Митя, Алешка... Я с ними с первого класса! И с детского сада! И с Машей мы на одной парте!.. — Голос мальчика звенел, повторяя, как видно, не раз уже сказанное. — А на секцию, в самбо, я где буду ходить? В Орле, что ли, или в вашем Мариуполе? Я же в перспективной группе занимаюсь! Разве я — виноватый?! Я — не виноватый! Я домой хочу!»¹⁴.

В этих словах ребенка — крик души, трагедия, таких как, они тоже дети войны, только другое поколение, это наши соотечественники из Донбасса, которые остались без дома, без друзей, без школы, без детства. Только кто за это ответит? Отсюда еще сильнее осознание бессмысленности и жестокости этой войны.

«В один из вечеров, — пишет Б. П. Екимов, — показывали снарядами разбитую школу и ребятишек. Лица детей прошли мельком, но в одном из них почудилось мне знакомое. Не тот ли мальчик, которого летом я встретил на берегу Дона? Милый мальчонка в шортах да маечке, босоногий, бегущий по воде, в ореоле сияющих солнечных брызг. Господи, помоги ему... Если мы — не в силах»¹⁵.

«Житейские истории» Б. П. Екимова — маленькие шедевры отечественной прозы, в которых сохраняется глубина мысли русской прозы, необыкновенная художественность в публицистическом обрамлении жанра, открывающая большие возможности для синтеза формы и содержания. ■

^{9, 11, 12, 13, 14, 15} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

¹⁰Басинский П. В. Борис Екимов: Сердце мое... / Скрипач не нужен: [Электронный ресурс] / <http://www.e-reading.link/chapter.php>.